

„Дистанция огромного размера“

Второй сезон в нашем театре ставит спектакли народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Меер Абрамович Гершт. Многие новокузнецкие знакомы с его режиссерским почерком: им поставлены на новокузнецкой сцене такие разные вещи, как «Конец Хитрова рынка» и «Стакан воды», «Поздняя любовь» и «Миссис Пайпер ведет следствие». Для творческой манеры М. А. Гершта характерны глубокое проникновение в замысел драматурга, ясность и точность прочтения текста, стремление к подлинности и правдивости происходящего на сцене, художественная зоркость и органическое неприятие фальши и рисовки. За его плечами почти полвека сценической жизни. Это творческое долголетие позволяет режиссеру щедро делиться своим богатейшим артистическим опытом и знанием жизни с товарищами по искусству. Накануне Дня театра наш корреспондент встретился с ветераном сцены и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Меер Абрамович, удачна ли сложилась ваша творческая биография?

— Мне, как и моему поколению, повезло: наша юность и молодость совпала с Октябрем, великой ломкой и переустройством всего человеческого бытия. Я это почувствовал еще мальчишкой, будучи артистом детского театра в Осташкове. Это был не теперешний ТЮЗ — играли в нем одни мои сверстники, без взрослых. Играли самозабвенно, с азартом, на какой только способна беззаветная детская душа. Этот яркий всплеск человеческого духа и энтузиазма был характерен не только для нашего театрального «детства», но и для поры становления советского театра вообще. Тот, кто прикоснулся к живительным его истокам, на всю жизнь сохранил радостное ощущение новизны, праздничности, талантливости.

— Вам довелось работать в разных театрах, в различные периоды развития советского сценического искусства. Какова, на ваш взгляд, его главная, определяющая тенденция?

— Попробую ответить на этот вопрос на примере периферийного, или, как раньше говорили, провинциального театра, который я достаточно хорошо знаю и которому отдал немалую часть своей жизни и души. Я еще застал на сцене, тот провинциальный театр, в котором премьеры давали каждые два дня. Разве могли актеры, будь они даже гениальны, за такой срок «человечить» драматургический материал?

Глубина постижения образов, мыслей, идей, целых исторических эпох — вот что начертано на знамени нашего современного театра, где бы он ни находился — в столице или в Сибири. До революции, например, Грузия считалась глубокой провинцией, а какой поистине океанский прилив новаторства и мастерства захлестнул ее сцену в двадцатые и тридцатые годы! Конечно, были и издержки.

С формализмом боролись и, наверное, это нужно было делать, только иными методами и средствами. Тот «формализм», который мне довелось видеть в свое время на московских подмостках, блистал безудержной фантазией, ярчайшей театральностью, беспорочной новизной.

Далеко шагнул наш театр и в средствах чисто внешней выразительности. В провинции, как я знаю и помню, один «лес», например, писался для всех спектаклей. Так же было и с другими декорациями. Бедность, невыразительность оформления сцены была привычной для провинции. Сейчас же даже самое условное решение внешнего облика спектакля всегда сопряжено с творческим поиском новых средств выразительности.

Задачи у оформителей стали неизмеримо сложнее и тоньше, но исполнение задуманного режиссером или художником, к сожалению, порой очень далеко еще от совершенства. И вот почему. У нас мало и плохо пока заботятся о театральных «тылах»: не хватает квалифицированных осветителей,

бутафоров, портных, парикмахеров. А ведь без них настоящий спектакль тоже не может состояться.

— Безусловно, между далеким прошлым и театром наших дней «дистанция огромного размера». Как вы считаете, что главным образом отличается его как новое явление в искусстве?

— Мне кажется, высокая идейность, одухотворенность, гражданственность. Именно в связи с этим, а ни с какой-то скоротечной модой, следует говорить о приоритете в нем режиссерского начала. Театр идей, каким он является у нас, не может существовать без четкой, отточенной, целеустремленной режиссуры. Как раньше играли? В большинстве случаев — кто во что горазд. Часто шли в театр посмотреть не Шекспира или Островского, а какого-нибудь доморожденного трагика, который неподражаемо умел закатывать глаза или что-то в этом роде. Что ставили на старой сцене, да еще провинциальной? Все без разбора, руководствуясь прихотью богатых меценатов и местных «звезд». Разве можно было при этом говорить о каком-то лице театра, о его творческом «я»? Да никогда!

— А применительно к Новокузнецкому театру, с которым вы знакомы не первый сезон?

— Срок этот не очень большой, чтобы делать какие-то категорические выводы. Но я не побоюсь сказать, что в городе работает трудолюбивый, способный актерский коллектив, который может очень многое. Не случайно в начале апреля в Новокузнецке будет проходить зональная конференция городских театров Сибири и Дальнего Востока. Город ваш, растущий и хорошеющий на глазах, впрямь и должен иметь настоящий театр, но без усилий, забот и труда он не может существовать. Вот почему так необходимо театру понимание его нужд и проблем буквально всеми городскими организациями.

МУЗЕЙНЫЙ РАБОТНИК
С. НОВОКУЗНЕЦК

27 МАР 1973